

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Можно я побуду счастливой? / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-097730-7

Эта книга — о женщинах, родившихся в СССР, которым выпало «жить в эпоху перемен».

В юности они мечтали о флакончике «Может быть» и шили одежду, которую было не отличить от творений модных дизайнеров.

В зрелом возрасте они рожали детей в роддомах, где из медикаментов подчас были лишь бинт и зеленка, стояли в бесконечных очередях, а Париж видели только в передаче «Международная панорама».

Но они не теряли оптимизма и женственности — влюблялись, расставались, совершали безрассудства ради любимых.

Так что эта книга — о счастливых женщинах. О том, что тем, кто любит жизнь, она в конце концов отвечает взаимностью.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097730-7

© Метлицкая М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*Моей маме, моим подругам
и соотечественницам – жен-
щинам, рожденным в СССР*

Мне всегда было интересно выдумывать сюжет, погружаться в повествование, где я – полноправная хозяйка. Хочу – казню, хочу – милую.

А тут впервые захотелось написать о собственной жизни, о бабушке и маме, родившихся и живших в СССР, разделивших со своими современницами трудности и невзгоды – и все равно умевших быть счастливыми, несмотря ни на что и вопреки всему. А еще – жить ради своих близких, любить их бескорыстно и беззаветно. Иногда – ни за что.

Об этом – первая часть книги, «Дневник женщины среднего возраста». Это, конечно, не дневник в буквальном смысле слова, скорее история жизни.

В этой книге очень много историй о быте. Женская жизнь всегда связана с ним – будь он неладен! Но без быта невозможно, потому что женщина прежде всего вьет гнездо, устраивает повседневную жизнь своих близких. И навер-

няка, читая эти страницы, вы вспомните собственные истории, истории собственных мам и бабушек. Надеюсь, что это будут самые теплые, самые милые сердцу воспоминания.

С героиней второй части книги, «Остров Прекрасной Елены», судьба свела меня совершенно случайно, но, как часто бывает, эта случайная встреча оказалась для меня очень важной. Судьба Елены необычна, это как раз тот случай, когда подлинная история гораздо интереснее придуманной, потому что такое невозможно придумать.

Книга эта — восхищение, преклонение, восторг перед моими соотечественницами, сверстницами, с их вечным терпением и терпимостью, смиренностью и громким, звенящим бунтом, с силой и мощью их натуры, великодушием. А еще — с открытостью, искренностью, состраданием. С их упорством и верой, талантом и работоспособностью, умением проходить сквозь стены и раздвигать руками огромные горы. С нежностью, бескорыстием и вечным стремлением быть любимыми.

И конечно, эта книга о том, как можно изменить свою жизнь. Перевернуть. Переделать и вновь сотворить, обнулив предыдущую. При самых малых, мизерных возможностях. При полном отсутствии денег. Имея только талант и веру. Ну и, конечно, друзей-сподвижников, соавторов судьбы, единомышленников.

Ведь если веришь в себя, то в тебя поверят другие. Заразительное это дело — одер-

жимость, настойчивость, трудолюбие, вера, талант. Как ветрянка, наверное.

В общем, жизнь начинается даже не в сорок, как было однажды нам сказано. И к пятидесяти можно начать!

В Плесе, где живет моя героиня, я научилась любить и понимать свою родину. Стала больше верить в людей. Я удивилась и обрадовалась, что сохранила способность удивляться — большое спасибо Лене еще и за это!

Наши российские женщины — основа всего. Нигде, уверена — нигде! — нет таких женщин!

Так сложилось исторически. Ведь где война и беда — там спасает она, женщина: провожает на порог и ждет, когда вернется муж, брат или сын. А войн и бед нашим современницам выпало немало.

Пережито многое... И многое впереди. Но я в нас верю. Мы снова прикроем, закроем, спасем и утешим — теплом и любовью, верой и верностью.

*Дневник
женщины
средних лет*

В июле, в самом конце пятидесятых, на Арбате, в знаменитом роддоме имени Грауэрмана родилось некоторое количество младенцев. Среди них была и я. Спасибо всем, кто принимал в этом участие, дело это было, как я понимаю, совсем непростое.

В общем, началась жизнь.

Истоки, дед и бабушка

Моя бабушка Софья Борисовна Метлицкая была человеком необыкновенным. Думаю, что все лучшее, что есть в нас, женщинах нашей семьи, — конечно же, от нее. Ее бесконечно трагичная судьба похожа на многие другие.

Родилась она в еврейском местечке под Минском. Мой прадед, ее отец, брал в аренду мельницу, и с этого кормилась большая семья. Был он невысокого роста, широк в плечах, очень ярок и красив лицом. К слову, — чудеса! — мой сын, его праправнук, многое взял от него, и не только внешность. Говорили, прадед был строг, немногословен и слегка скуповат. Может, расчетлив? Ответственен за родных, за большую семью? Много читал: философские книги, исторические, религиозные. Был человеком образованным, искал смысл жизни. Отличался сдержанностью и ироничностью — мнение ценил только свое. К служителям культа относился с пренебрежением и недоверием — говорил, что почти все они нечисты на руку, что между человеком и бо-

гом посредников быть не должно. Религиозным он не был — субботу не соблюдал.

Моя прабабушка Мария, Марьяся, как называл ее прадед, была женщиной тихой, мягкой, изящной и милой, хотя красотой не блистала. Мужу никогда не перечила — никогда! Вела хозяйство и растила троих детей — двух дочек и сына. По рассказам бабушки, у них был хороший, крепкий дом и, конечно, прислуга — девчонка из местных. Она помогала по хозяйству и в огороде. Подозревали, что тихой и покладистой своей Марьясе муж изменял. А она, если спрашивали, есть ли у нее на сей счет сомнения, смеялась, махала рукой и бесшабашно и легкомысленно отвечала: «Не мыло — не измылится». Почему она была так беспечна? Муж-то красавец! Думаю, что не ощущала угрозы — о разводе тогда никто не думал вообще. Ну завел мужик интрижку — и что? Семья есть семья! К тому же трое любимых детей. Вот и была тихая Марьяся спокойна.

Моя бабушка, их дочь Софья, лицом пошла в своего отца — выросла красивой и яркой. Да и характер, думаю, тоже был как у прадеда — нетерпелива, вспылчива и очень решительна. Потому и замуж выскочила в шестнадцать лет — особенно не рассуждая. Хотелось в столицу, в большой город, хотелось свободы — отец был строг и держал дочек-красавиц в ежовых рукавицах. Да и время было жуткое, тревожное, смутное — 20-е годы.

Избранником бабушки оказался молодой судья из Минска. Уехали, обосновались в маленьком городке Червине. Муж там работал судьей, а бабушка в семнадцать родила сына и — затосковала.

Муж ее, пламенный борец за справедливость, писал письма отцу народов о несправедливости общества, просил «принять меры». К тому же был глуповат.

Позже они переехали в Минск — муж получил должность старшего судьи. Ну, жили себе и жили, однако через пару лет после переезда бабушка моя легкомысленная влюбилась. Ее новый избранник, Стефан Ивашкевич, был очень хорош собой. Голубоглазый блондин, со скульптурным лицом суровой и твердой лепки. Но — женат. Начались годы страданий, слез, расставаний и новых встреч. Думаю, что это была большая страсть, никак иначе.

Вскоре бабушку с мужем перевели в Москву, где он получил хорошую должность — замначальника в Наркомпросе. Дали им и квартиру — отдельную, где-то на Войковской. Бабушка отправилась туда на трамвае. Ехала часа полтора. Поначалу, выйдя на улицу, тут же захотела вскочить в трамвай и уехать обратно. Но любопытство победило, и квартиру посмотреть пошла. Говорила, что та оказалась большой и просторной — дворец, а не квартира, хоть на велосипеде катайся. Но вселяться туда бабушка отказалась. Согласились на две комнаты в коммуналке, в самом центре. На Ки-

ровской — куда уж центральнее. Там, в доме номер двадцать четыре, родилась моя мама.

А роман с моим будущим дедом все продолжался. Он часто приезжал в Москву в командировки. Встречались они в гостиницах — чаще всего в «Национале». История эта затянулась на долгие десять лет. Первый бабушкин муж об адюльтере узнал — сообщили, но претензий не предъявлял — умолял не бросать его, не разводиться. Понятно, что такая слабость мужской природы была страстной бабушке не по душе — мужа своего она теперь еще и откровенно презирала. Решила все беременность — любовник тут же развелся и переехал в Москву.

Они сошлись. Поначалу жили в одной квартире с бабушкиным первым мужем — тогда это было вполне нормальным явлением. Вдуматься — ужас! Утром у туалета или раковины сталкиваться нос к носу со счастливым соперником, который только что обнимал твою бывшую, но все еще любимую жену. Но как-то жили и морды друг другу не били. Даже за стол садились все вместе.

В одной комнате жили дедушка с бабушкой — молодожены. В другой — брошенный муж, их общий с бабушкой сын и домработница. Услышав про домработницу, я удивилась. Бабушка махнула рукой: «Да что ты! Домработницы тогда были у всех. Даже у самых бедных». Деревенские девушки сбегали из сел от голода и невыносимых условий. В столице платили им сущие копейки, но колхоз не пла-

тил и этого — были лишь трудодни. В городах им давали кров и обеспечивали питанием — ели все вместе, за общим столом, деньги от зарплат они собирали.

Потом наконец разъехались — первый муж бабушки уехал снова в Минск, вскоре удачно женился и прожил о-о-очень долгую и спокойную жизнь.

Кстати, еще про мою затейницу бабушку. Имена своим детям дала она нетрадиционные, скажем так. Сына назвала Владиленом, а маму мою — куда хлеще для тех времен — Эвелиной. Это сейчас полно Эвелин, а тогда мама стеснялась своего имени. Представлялась Инной. Ну и плюс отчество — Эвелина Стефановна. Кем только не была она за свою трудовую биографию — и Инной Степановной, и Эльвирой, и Элеонорой.

Брат ее тоже Владиленом не остался — называл себя Владимиром. А дома его звали Лейней. Такая вот путаница из-за сложностей, придуманных бабушкой.

К слову, про имена. Дочек своих мама назвала просто: я — Маша, сестра — Катя. Сотрудница ее как-то недовольно заметила, обидевшись за меня и сестру: сама Эвелина! А дочки? Крестьянки! Фантазии вам не хватило?

В 37-м родилась моя мама.

Деда забрали, когда маме моей было восемь месяцев от роду, а бабушке двадцать восемь лет. Замуж она больше не вышла, хотя звали, и не раз. Звал и первый муж, который